

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (32), 2025.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.16.1.0+821.163.41.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4Югос.Сер)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231>

<https://elibrary.ru/TRVEEK>

©2025. Эниса Успенская

Университет художеств, Белград, Сербия

«Кроткая» Ф.М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича

©2025. Enisa Uspenski

University of Arts, Belgrade, Serbia

“The Meek One” by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić

Информация об авторе: Эниса Магомедовна Успенская, доктор филологических наук, профессор факультета драматических искусств, Университет художеств, бульвар Уметности, д. 20, 11060 г. Белград, Сербия.

<https://orcid.org/0000-0001-8359-1237>

E-mail: enisa.uspenski@gmail.com

Аннотация: В статье представлен сопоставительный анализ рассказов Ф.М. Достоевского «Кроткая» и Иво Андрича «Злоупотребление», основанный на сравнительном и генетическом методе. Отправной точкой исследования является инвариантный сюжет о мужском насилии в браке, неравном по многим параметрам. С позиции психоанализа в обоих произведениях женские персонажи предстают жертвами нарциссического расстройства личности мужских героев, переживших социальную травму.

Воспользовавшись преимуществами социального и экономического положения — правом на выбор супруги, правом на сексуальный контроль, правом на доминирование в сфере мышления, — мужчины в обоих рассказах осуществляют виктимизацию героинь: первый (герой «Кроткой») — посредством стратегии молчания, второй (герой «Злоупотребления») — посредством избыточной вербализации. В результате оба произведения завершаются полным отсутствием

коммуникации между супругами: в одном случае это приводит к самоубийству героини, в другом — к бегству жены.

Обе героини оказываются «идеальными жертвами» для хищного нарцисса — по характеру, материальному положению и социальному статусу, в которых решающую роль играют патриархальные нравы и вопрос женского образования. Согласно феминистской критике, которая рассмотрела через свою призму как творчество Ф.М. Достоевского, так и творчество Иво Андрича, авторская позиция в обоих рассказах обретает феминистскую перспективу.

Наряду с многочисленными параллелями, сближающими данные тексты на разных дискурсивных уровнях, между ними существует и принципиальное различие в трактовке «женского вопроса». Для Достоевского он получает онтологическое измерение — через Христа и метафизику любви; у Андрича же возможное решение намечается в эволютивном развитии общества, в котором женщина смогла бы обрести экономическую независимость.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Кроткая», Иво Андрич, «Злоупотребление», нарциссизм, насилие, «женский вопрос», феминистская перспектива, метафизика любви, социальная независимость.

Для цитирования: Успенская Э.М. «Кроткая» Ф.М. Достоевского и «Злоупотребление» Иво Андрича // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 205–231. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231>

Information about the author: Enisa M. Uspenski, DSc in Philology, Professor, Faculty of Dramatic Arts, University of Arts, Boulevard Umetnosti, 20, 10070 Belgrade, Serbia.

<https://orcid.org/0000-0001-8359-1237>

E-mail: enisa.uspenski@gmail.com

Abstract: The article presents a comparative analysis of Fyodor Dostoevsky's short story "The Meek One" and Ivo Andrić's *Abuse*, conducted through comparative and genetic methods. The starting point of the study is the invariant plot of male violence within marriage, unequal in multiple respects. From a psychoanalytic perspective, in both works the female characters appear as victims of the narcissistic personality disorder of the male protagonists, who themselves have experienced social trauma.

By exploiting the advantages of their social and economic position—the right to choose a wife, the right to sexual control, and the right to dominate the sphere of thought—the male characters in both stories victimize their spouses: the first (the protagonist of "The Meek One") through a strategy of silence, and the second (the protagonist of *Abuse*) through excessive verbalization. As a result, both works culminate in the complete breakdown of communication between husband and wife: in one case leading to the heroine's suicide, and in the other to the wife's escape.

Both heroines prove to be "ideal victims" for the predatory narcissist—by virtue of their character, material situation, and social status—where patriarchal norms and the question of women's education play a decisive role. According to feminist criticism, which has examined the works of both Fyodor Dostoevsky and Ivo Andrić through its own lens, the authorial position in these stories may be understood from a feminist perspective.

Alongside the numerous parallels that bring these texts together on various discursive levels, there also exists a fundamental difference in their treatment of the “woman question.” For Dostoevsky, it acquires an ontological dimension—through Christ and the metaphysics of love—whereas for Andrić, a possible solution is suggested in the evolutionary development of society, in which women would be able to attain economic independence.

Keywords: Dostoevsky, “The Meek One,” Ivo Andrić, *Abuse*, narcissism, violence, woman question, feminist dimension, metaphysics of love, social independence.

For citation: Uspenski, Enisa. “‘The Meek One’ by Fyodor Dostoevsky and *Abuse* by Ivo Andrić.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (32), 2025, pp. 205–231. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-205-231>

Когда речь заходит о влиянии Ф.М. Достоевского на литературу, можно с уверенностью утверждать: среди писателей, вошедших в канон мировой литературы XX века, нет нейтральных. Существуют лишь два типа авторов: подавляющее большинство, испытывавших в той или иной степени влияние Достоевского, и немногие, сознательно от него отстранявшиеся. Иво Андрич, один из ведущих представителей южнославянской литературной традиции, на вопрос о значении Достоевского ответил, что считает его, наряду с Томасом Манном, «величайшим писателем»¹ [Jandrić, 1977, s. 46]. Среди всего наследия Достоевского Андрич особо выделял «Записки из Мёртвого дома»², хотя прямо признать влияние этого романа (или творчества Достоевского в целом) на собственное писательское становление он, по его словам, «не может» [Jandrić, 1977, s. 47].

Тем не менее, не вызывает сомнений, что Андрич был хорошо знаком с творчеством Достоевского. Его произведения активно переводились, а фигура писателя обсуждалась в межвоенной сербско-русской литературной среде, отличавшейся живой и насыщенной интеллектуальной атмосферой.

В 1946 году Андрич опубликовал рассказ, посвящённый браку, «неравному» по многим параметрам — материальному, возрастному, социальному, ментальному — под названием «Злоупотребление». Хотя очевидное тематическое сходство между произведением Андрича и рассказом «Кроткая» Достоевского само по себе ещё не указывает на непосредственную литературную преемственность,

¹ Здесь и далее перевод иностранных источников мой. — ЭУ.

² О влиянии «Записок из Мёртвого дома» на творчество Иво Андрича и в частности на его роман «Проклятый двор» писали исследователи Ирина Иванова [Ivanova, 2015] и Саня П. Перич [Перић, 2020].

существуют убедительные основания для проведения их сопоставительного анализа — как типологического, так и генетического.

Для применения генетического метода анализа необходимо наличие контактных связей между исследуемыми произведениями, подлинность которых в данном случае не вызывает сомнений. Молодой Иво Андрич, ещё формировавшийся как поэт, не мог не заметить первое появление рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» в переводе на хорватский и сербский языки. Это издание вышло в 1913 году в Загребе — как раз в то время, когда Андрич обучался на первом курсе славистики Королевского университета. До выхода рассказа Андрича, «Кроткая» неоднократно публиковалась отдельными изданиями и переводилась разными авторами.

Типологическое сопоставление позволяет выявить стадийные закономерности развития, приводящие к возникновению сходных феноменов в различных культурных ареалах. В ряде аспектов рассказы Ф.М. Достоевского и И. Андрича формировались в условиях различного уровня культурного развития.

Историко-культурный контекст рассказа «Кроткая» достаточно чётко определён: произведение создано во второй половине XIX века и связано с пространством столичного города Российской империи — Санкт-Петербурга. В случае с рассказом Андрича «Злоупотребление» столь однозначной пространственно-временной привязки не наблюдается. Художественное пространство произведения соединяет в себе реалии столичного города³ Югославского королевства, с его мещанскими нравами и отголосками провинциального прошлого, формировавшегося в условиях Австро-Венгерской монархии, когда культурными центрами государства выступали Вена и Будапешт.

Как отмечает В.И. Жирмунский, оба метода, генетический и типологический, взаимосвязаны и «при конкретном сравнительном анализе исторически сходных явлений в литературах различных народов вопрос о стадийно типологических аналогиях литературного процесса неизбежно перекрещивается с не менее существенным вопросом о международных литературных взаимодействиях» [Жирмунский, 1979, с. 20].

³ Жизнь и творчество Иво Андрича связаны с тремя столицами бывших республик Югославии — Сараевом, Загребом и Белградом, — которые могут быть отнесены к категории «современного города» в рассказе «Злоупотребление».

В данном исследовании, опираясь на оба аналитических подхода, рассматриваются условия конкретной культурной ситуации, в которой произошла трансформация и структурный сдвиг рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» в произведение Иво Андрича «Злоупотребление». Последний рассматривается как интерпретация «чужого» текста, ставшая необходимым элементом для творческой эволюции «своего» [Лотман, 1992, т. 1, с. 112] художественного мира.

Несмотря на различия в культурно-исторических условиях, в которых создавались оба произведения, их объединяет образ патриархально-монархического уклада как основополагающей модели общественного устройства. Этот уклад, глубоко укоренённый в социальной и семейной иерархии, начинает испытывать кризис под воздействием нарастающих либерально-демократических тенденций. Среди последних особую значимость приобретают так называемые «женские вопросы», в центре которых — переосмысление роли женщины в обществе, её прав, свободы и субъектности. Таким образом, оба произведения отражают напряжение между традиционализмом и модернизацией, что придаёт им актуальность в контексте исторических трансформаций эпохи.

С нашей точки зрения, как рассказ Ф.М. Достоевского, так и рассказ И. Андрича содержат элементы феминистской проблематики, которые представляются значимыми с точки зрения феминистской теории и поддаются интерпретации в её аналитической перспективе. Оба автора, как можно предположить, осознанно или интуитивно затрагивают ключевые вопросы, связанные с положением женщины в патриархальной системе: общественный контроль над женской сексуальностью, концепт «правильного выбора» женщины как объекта мужского желания, зависимость женщины от экономических обстоятельств, обуславливающая как физическое, так и психологическое насилие, право женщины на образование и работу, и другие аспекты, актуальные для феминистского дискурса.

Рассказ «Кроткая» Ф.М. Достоевского впервые был опубликован в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год, что имеет принципиальное значение для рассматриваемой темы. Уже сам выбор площадки для публикации не случаен: именно в «Дневнике писателя» Достоевский систематически осмысливал острые социальные и нравственные проблемы, включая «женский вопрос». Рассказ, посвящённый трагической судьбе молодой женщины, в этом

смысле оказывается не только художественным произведением, но и частью более широкого публицистического дискурса писателя о положении женщины в обществе.

Подобное внимание к теме женской судьбы не было для Достоевского новым. Ещё на страницах редактируемых им журналов «Время», «Эпоха» и «Гражданин» он активно и нередко полемически остро высказывался по поводу так называемого «женского вопроса» и идеи «эмансипации женщин». Журнал «Время», начавший выходить в 1861 году, появился в тот период, когда в России усилилось женское движение: женщины требовали доступа к образованию, права на развод, а также возможности заниматься профессиями, традиционно считавшимися «мужскими». По свидетельству издателей «Времени» и «Эпохи», уже в 1850–1860-е годы «женский вопрос» широко обсуждался в периодической печати, однако нередко подобные публикации носили поверхностный характер и не отражали серьёзности самой проблемы [Варламова, 2016].

Редакция «Времени» подчёркивала необходимость постановки данной темы в общественном пространстве, одновременно выражая опасение, что идеи женской эмансипации могут оказать пагубное влияние на неподготовленных читательниц [Варламова, 2016]. При этом, как отмечала исследовательница, вопрос женского образования рассматривался журналом в качестве «краеугольного камня» в решении женской проблемы [Варламова, 2016, с. 46].

Проблема женского образования оставалась в центре внимания Достоевского и в период его редакторской деятельности в журнале «Гражданин». По наблюдению Н.Ф. Будановой, именно ему принадлежит авторство редакционных статей по «женскому вопросу», опубликованных в «Гражданине» в 1873 году. Исследовательница подчёркивает, что «женское образование воспринималось тогда как один из наиболее актуальных общественно-политических вопросов, вызвавший в 1870-е годы ожесточённую полемику в печати» [Буданова, 1976, с. 237]. Аргументы в пользу авторства Достоевского подтверждаются его же публикацией в «Гражданине» — статьёй «Две заметки редактора», «первая часть которой была целиком посвящена обсуждению положения женщин» [Буданова, 1976, с. 237].

Суть позиции писателя, по наблюдению Будановой, заключалась в том, что он поддерживал предоставление женщинам возможности получать высшее образование, но предостерегал от «нравственной фальши», возникавшей, когда женщины рассматривали себя прежде

всего как «деятели» в решении «женского вопроса» [Буданова, 1976, с. 237]. Более того, «Достоевский был, пожалуй, единственным писателем своего времени, кто увидел в женском образовании не только социальный инструмент, но и источник нравственного обновления человечества» [Погребная, 2002, с. 3]. В «Двух заметках редактора» он подчёркивал, что стремление женщины к знаниям позволяет ей «вознестись до благородного понятия», что всеобщее образование женщин внесёт «новую, великую интеллигентную и нравственную силу в судьбы общества и человечества» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 155]. Эти слова указывают, что для Достоевского образование имело не только прагматический, но и духовный смысл: оно рассматривалось как средство преодоления кризиса современной цивилизации.

Своё отношение к положению женщины в обществе Достоевский наиболее полно выразил на страницах «Дневника писателя». Здесь он приводит ряд примеров трагических женских судеб, число которых, «всё возрастает, и все они опасно извращённые и загадочные» [Фокин, 1998, с. 29]: любовница с бритвой в руке нападает на жену своего возлюбленного («Суд и г-жа Каирова», в майском выпуске «Дневника», 1876 года); мачеха, «крестьянка Екатерина Корнилова, двадцати лет», и сама беременная выбрасывает «из окошка, из четвертого этажа свою маленькую», шестилетнюю «падчерицу» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 136] («Простое, но мудреное дело», октябрь 1876 года); случай Н. Писаревой, отдавшей «долг прогрессу» и нашедшей место «земской акушерки», однако покончившей с собой «от нетерпения и усталости», от «брюзгливого и цинического неверия» («Одна несоответственная идея», май 1876 года) [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 24–25]; самоубийство дочери Герцена, душа которой, по словам Достоевского, «не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного»; и наконец совершенно противоположное двадцатипятилетней эмигрантки — самоубийство молодой бедной швеи Марьи Борисовой, которая «никак не могла приискать себе для пропитания работы» и выбросилась из окна с четвертого этажа «*держав в руках образ*» («Два самубийства», октябрь 1876) [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 146].

Достоевский указывает на наличие в происходящем «чего-то крайне ненормального». Речь идёт не только о нарушении главной христианской заповеди «не убий» — перед нами, «открытый,

стихийный и неосознанный бунт против того порядка, на котором держится общество» [Фокин, 1998, с. 30]. Корень зла, как считает Фокин, по мнению писателя, заключается в «норме», лежащей в основе общественного устройства, — «норме ложной и искусственной, сконструированной мужчинами» [Фокин, 1998, с. 31]. Своими «поразительными поступками современницы, описанные в *“Дневнике писателя”*, демонстрируют, что эта норма сама по себе ненормальна: по ней невозможно жить, она провоцирует на преступление» [Фокин, 1998, с. 32].

Значительное внимание «женскому вопросу» у Достоевского уделяет и англоязычная феминистская критика, рассматривая его как неотъемлемую часть литературного наследия великого русского писателя.

В научной литературе зафиксировано определённое влияние Достоевского на Вирджинию Вулф (Virginia Woolf). Известно, что впервые она читала его произведения на французском языке (до появления английских изданий в переводе Констанс Гарнетт / Constance Garnett /). Как пишет М.А. Хасиева: «В своих критических эссе Вулф не раз подчеркивала преимущества русского “психологического” метода письма, и, сравнивая английскую реалистическую литературную школу с русскими писателями, и в частности, с Достоевским, отдавала свое личное предпочтение последнему» [Хасиева, 2012, с. 159].

Всё же, стандартная феминистская критика (Барбара Хелдт / Barbara Heldt / и другие) придерживается мнения о Достоевском как о равнодушном к женщинам авторе или даже женоненавистнике, что нередко соотносится с отдельными взглядами Николая Бердяева⁴. Совершенно противоположную точку зрения высказывает Кэтрин Джейн Бриггс (Katherine Jane Briggs) представительница третьей волны феминизма, не соглашаясь ни с одной из вышеупомянутых характеристик. Как пишет Джо Эндрю (Joe Andrew), автор предид-

⁴ См.: «Тут совсем иное положение занимает женственное начало. Женщине не принадлежит в творчестве Достоевского самостоятельного места. Антропология Достоевского — исключительно мужская антропология. Мы увидим, что женщина интересует Достоевского исключительно как момент в судьбе мужчины, в пути человека. Человеческая душа есть прежде всего мужской дух. Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа, внутренний соблазн» [Бердяев, 1923].

словия ее книги — «Как Достоевский изображает женщин в своих произведениях: феминистский анализ» (*How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*) — Бриггс «с собственной феминистской богословской точки зрения весьма убедительно утверждает, что Достоевский серьёзно относится к опыту женщин <...> и их борьбе с личным и институциональным злом. Более того, она задаётся вопросом, можно ли считать Достоевского даже феминистом в его изображении женщин» [Briggs, 2009, p. 4].

По словам епископа Дэвида Аркарта (Bishop David Urquhart), работа Кэтрин Бриггс «инициирует новый диалог между современной феминистской теологией и значительным пластом классической литературы, а также поднимает вопросы о том, каким образом сочувственное изображение Достоевским женского опыта может способствовать развитию современного феминистского теологического дискурса» [Urquhart, 2004].

Несмотря на то, что феминистская критика интерпретировала творчество многих выдающихся писателей через призму гендерной теории, произведения Иво Андрича долгое время оставались вне поля её внимания — вплоть до начала XXI века.

Исследовательница Ясмина Лукич провела детальный феминистский анализ ряда рассказов Андрича (в том числе и рассказа «Злоупотребление»), акцентируя внимание на теме общественного контроля над женской сексуальностью в условиях гегемонии маскулинного дискурса. По мнению Лукич, в подобной социальной структуре женщины неизменно оказываются в положении жертв — вне зависимости от того, пытаются ли они освободиться от подчинённого статуса или нет [Lukić, 2005, s. 155].

На эти выводы опирается и исследовательница Бильяна Дойчинович, утверждая, что проза Андрича нуждается в гендерно-чувствительном прочтении, поскольку в ней тематизируется насилие над женщинами. Учёная подчёркивает, что Андрич, задолго до появления гендерных исследований в «области права и психологии, точно идентифицировал ментальное насилие как форму злоупотребления» [Dojčinović, 2018, s. 275].

Дойчинович оперирует понятием «феминистская перспектива» (*feminist dimension*), заимствованным у Джудит Феттерли (Judith Fetterley), из её работы «Сопrotивляющийся читатель» (*The Resisting Reader: A Feminist Approach to American Fiction*, 1978), где речь идёт о произведениях, избежавших ловушки стереотипизации и откры-

вающих пространство для многозначной интерпретации. Как пишет Дойчинович, «здесь речь идёт об элементах в изображении реальности и судеб героев, которые сегодня наилучшим образом поддаются анализу в рамках феминистской теории, в первую очередь — через призму насилия над женщинами. Эта перспектива свидетельствует о более глубоком понимании действительности самим автором и о его чуткости к положению женщин в обществе» [Dojčinović, 2018, s. 276].

Таким образом, Андрич предстает как писатель, обладавший серьёзным восприятием феминистской проблематики и умевший с большой точностью описывать «исторические, социальные, психологические и правовые явления, которые лишь в новейшее время получили адекватное теоретическое осмысление в феминистском дискурсе» [Dojčinović, 2018, s. 277].

Типологическая общность рассказов Достоевского «Кроткая» и Андрича «Злоупотребление» может быть охарактеризована как исследование социально-экономической и психологической зависимости женщины от мужчины, злоупотребляющего своим положением. Единство проблематики обуславливает параллелизм сюжетных линий и характеристик главных героев. В обоих случаях молодая женщина из бедной среды вступает в брак с мужчиной, значительно старше её и обладающим материальным достатком, однако занимающимся деятельностью, не пользующейся уважением в обществе. Муж, используя своё социальное превосходство и экономическую независимость, подавляет супругу как психологически, так и ментально. В результате женщина, не выдержав внутреннего давления и унижения, восстаёт против сложившейся ситуации.

У обеих героинь так называемая «подноготная» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10] — схожа, хотя у Андрича она мягче чем у Достоевского, у которого до фантастического страшная. Но, несмотря на все нюансы различия, у обеих героинь положение безысходное. Им обеим **некуда** было идти.

Кроткая, без матери и отца осталась у «беспорядочных теток», одна «вдова, многосемейная, шесть человек детей», «другая в девках, старая, скверная. Обе скверные». «У теток три года была в рабстве» «детей теткиных учила, белье шила, а под конец не только белье, а, с ее грудью, и полы мыла. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10].

У Андрича молодая девушка, Аница, рано оставшись без матери, взяла на себя заботу о трёх младших сёстрах и брате: она воспитывала их и вела хозяйство. Подчёркивая типологическую значимость образа, автор отмечает: «нередки случаи в наших мещанских многодетных семьях», где, если отец — бедный вдовец, «старшая дочь принимает на себя роль матери, полностью жертвуя собой, остаётся в доме как его добрый дух, “похоранивши себя” в фундаменте семейства» [Andrić, 2017, s. 250].

Подобные девушки лишаются собственной личной жизни: «потушив в себе, в самом зачатке, естественное женское стремление к личному счастью, они жертвуют собой ради всех, и каждый может злоупотреблять этой жертвенностью, но никто её по-настоящему не ценит». Аница была одной из таких женщин, и если бы в её жизни не появился жених, она, вероятно, «до конца своих дней осталась бы в доме отца» [Andrić, 2017, s. 267].

Отец Аницы не много лучше теток Кроткой. Андрич несколько раз подчеркивает, что он был «хмурый человек дурного нрава» [Andrić, 2017, s. 267]. А силу его жестокости девушке довелось испытать, когда, пытаясь вернуться домой, она получила от него сообщение, в котором говорилось, что в его доме нет места для «бесноватых беглянок», которые, согласно народной пословице, «с жиру бесятся» [Andrić, 2017, s. 248].

Мужские персонажи обоих рассказов также имеют общие биографические данные и черты характера. Оба — мужчины старше сорока лет, обладающие значительным имуществом, приобретённым собственными усилиями, не без унижений. Их профессиональная деятельность вызывает в окружающей среде презрительное и уничижительное отношение. Первый — безымянный закладчик, который испытывает презрение к самому себе из-за своей профессии. Второй — Андрей Зарекович, накопивший капитал на производстве щёток. Деградацию его личности Андрич подчёркивает, постепенно изменяя его наименование в тексте: сначала он предстает как «хозяин Андрей», а затем просто как «щёточник».

В рамках психоаналитической парадигмы в личности обоих героев прослеживается выраженное чувство собственного достоинства, переходящее в характеристики, соответствующие критериям нарциссического расстройства личности. Согласно теоретическим положениям психоанализа одним из последствий нарциссической травмы является нарциссическая ярость, которая находит выра-

жение в деструктивных формах межличностного взаимодействия. В рассматриваемых текстах это проявляется в супружеских отношениях, завершившихся с выраженной драматичностью: в одном случае — самоубийством супруги, в другом — ее бегством, интерпретируемым как форма социального саморазрушения.

Закладчик получил психологическую травму в связи с «потерей репутации» после «выхода из полка» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23], потому что нарушил норму офицерского поведения, отказавшись от дуэли, которую его товарищи от него требовали и ожидали. Он «вышел гордый, но разбитый духом», с упавшей «волей и умом» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 24]. Для него, это было «страшное внешнее обстоятельство», которое «каждый день и каждый час давило» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23] его. Он «струсил не дуэли, а того что выйдет глупо... А потом уж не хотел сознаться, и мучил всех, и ее за то мучил, **на ней затем и женился, чтобы ее за то мучить**» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 30.] Для того чтобы, отомстить обществу доказать свою правоту и опровергнуть позор, наложенный на него окружающими, Закладчику была необходима не просто невеста, а невеста «особого рода». Она должна была воплощать собой «синтез всего» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7] — всего того, что стало для него ключевым: юность, доброта, кротость, бедность, беспомощность в сочетании с ее видимой гордостью.

Щеточник, в свою очередь, был травмирован многолетним пребыванием в положении подмастерья, в условиях нужды, постоянных обид и унижений. В течение этого времени его сознание было захвачено идеей «предпринимателя» — словом, которое он превратил в цель своих страданий. Когда эта цель, по его мнению, была достигнута, он начал бесчисленное количество раз ежедневно повторять это слово с «мстительной страстью», которой «смысл и значение» [Andrić, 2017, s. 251] было известно лишь ему самому.

Можно сказать, что этот потаённый смысл мщения обществу, присутствующий у «предпринимателя» — Щеточника, перекликается с яростным, трижды подтверждённым признанием «финансиста» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 19] — Закладчика: «Я ведь “мстил же обществу”, действительно, действительно, действительно!» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 11].

Можно утверждать, что оба героя выступают в роли «закладчиков» мнимого будущего рая. Персонаж Достоевского закладывает офицерскую честь, стремясь стать финансистом, и в воображаемом

будущем «оградить» свою возлюбленную «раем» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 35]. Герой Андрича жертвует собственной молодостью ради карьеры предпринимателя; в его внутреннем представлении возникает утопическая картина рая, полного осуществления мещанского существования [Andrić, 2017, s. 253]. Однако оба замысла оказываются несостоятельными: ни один не привёл к воплощению рая, напротив — для их супруг и для них самих желаемое становится адом.

В образе Аницы Маркович Андрей обрел тот идеал, к которому стремился на протяжении всей своей жизни, — что, по-видимому, и объясняет его затянутое холостяцкое существование вплоть до сорокалетнего возраста. Аница представлялась ему «коронай всего его долголетнего труда, унижений и отрицаний» [Andrić, 2017, s. 253]. В её облике воплотилось всё то, о чём он прежде не смел даже мечтать: «красивая, рослая, целомудренная и послушная девушка» [Andrić, 2017, s. 250].

Подобно герою Достоевского, Щеточник был особенно чувствителен к ощущению обладания. Как подчёркивает Андрич, он с восторгом восклицал: «Это всё моё, от волос до пальцев стопы, моё и никого больше», — и именно это чувство порождало у него иллюзию безграничного расширения собственного «я»: «от этого чувства расширялись перспектива его личности до бесконечности» [Andrić, 2017, s. 254].

Для Закладчика чувство обладания играет ключевую роль: он воспринимает Кроткую как свою собственность ещё до заключения брака, «смотрел на неё как на мою» и «не сомневался» в своём «могуществе» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. Эта уверенность в исключительном праве на другого человека окрашивается у него в эротически-властный подтекст: «Знаете, пресладострастная это мысль, когда уж не сомневаешься-то» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. В том же ключе проявляется и восприятие возрастного разрыва между ними: для него сама разница в годах становится дополнительным источником наслаждения, символическим закреплением неравенства и власти: «Это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13].

И герой Достоевского и персонаж Андрича, выстраивают своё «превосходство» на основе материального доминирования. Закладчик не пропускает случая напомнить «что деньги» его, что именно

это дает **ему** «право смотреть на жизнь» своими «глазами» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 17], и что такого права у Кроткой нет и быть не может. Щеточника, в свою очередь, привлекала бедность Аницы: привести в дом девушку без средств, но трудолюбивую, означало для него «ежедневно прибавлять чувство удовольствия ко всему с трудом обрётённому благосостоянию и с каждым днём его увеличивать» [Andrić, 2017, s. 254].

Аница, как и Кроткая, представляют собой идеальный объект для хищнического нарциссизма. Закладчик с самого начала демонстрирует вспышки агрессии. В достижении своей цели он действует расчётливо: заранее выстраивает «систему», ключевым элементом которой становится стратегия **молчания**. Важно подчеркнуть, что инициатором молчания выступает именно он, а не она: «Правда это я на молчание напер, а не она» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15]. Однако, некоторые исследователи указывают на «парадоксальность поведения» **обоих** персонажей, на «взаимную вражду и молчание», пронизывающие весь текст произведения. Как подчёркивает Ясмينا Войводич, «коммуникация двух якобы близких, браком связанных людей, осуществляется отрицанием коммуникации — в молчании» [Войводич, 2023, с. 124–128].

На наш взгляд Кроткая «молчала» лишь потому, что у нее не было другого выхода. На самом деле, вначале она стремилась к взаимности, любви: «бросалась» к нему «с любовью», «встречала» когда «приезжал по вечерам», «с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать». Однако, Закладчик «все это упоение тут же обдал холодной водой» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13].

Система молчания Закладчика обладала градационной структурой. На начальном этапе его молчание носило «благодарный» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13] характер, однако со временем оно становилось всё более выраженным: «а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15], — замечает герой, подчёркивая, что в какой-то момент он уже «говорил почти молча» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 14]. Закладчик оказался мастером «молчаливой речи», в противоположность героине, которая, будучи «доброй и кроткой», «от разговора увернуться» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 8] не умела.

Как отмечает Т.А. Касаткина, «странным образом, кротость здесь характеризуется через одну-единственную черту — неспособность закрыться в молчании, сокрыться в молчание, отказаться от коммуникации, от связи, от сообщения с другим. На фоне постоянного и намеренного ухода в молчание главного героя, на фоне избрания им молчания как главного воспитательного средства, такое определение кротости приобретает особое значение» [Касаткина, 2015, с. 413].

Лишь на заключительном этапе молчание достигает «совершенного» уровня, превращаясь в форму взаимного отказа от коммуникации. Оно эволюционирует от индивидуального состояния («я молчал») к совместному: «Да. Это правда, **мы** совершенно молчали» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23]. Однако, даже в момент этого общего молчания возможность его прерывания оставалась в руках героя: «Таким образом мы и молчали, но я каждую минуту приготовлялся про себя к будущему» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23]. Тем не менее он постоянно откладывал это «будущее» на неопределённый срок и, по сути, не намеревался нарушить молчание, поскольку «восторжествовал» над ней и «одного сознания о том оказалось совершенно для» него «довольно» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 23].

В отличие от рационально расчётливого Закладчика, герой Андрича действует бессознательно, хотя и не менее насильственно. Его нарциссическое поведение, также имеющее градационный характер, начинает проявляться лишь спустя два года внешне благополучной супружеской жизни. Для Щеточника его жена становится воплощением последнего, наиболее сокровенного желания — идеала совершенства. Однако это связано не с тем, что он действительно открыл в ней какие-либо уникальные качества, а с тем, что впервые в жизни обратился к самому себе: начал анализировать, оценивать, испытывать собственные внутренние состояния. Он впервые почувствовал возможность говорить свободно, не сходя с чужим мнением; мечтать, высказываться, рассматривать всё, что удавалось «извлечь» из глубин собственного «я». Это переживание доставляло ему столь интенсивное наслаждение, столь упоительную радость, что он ощущал себя обращённым ко всему человечеству — с тем же доверием, с каким, по выражению Андрича, говорил бы «немой, чёрной земле» [Andrić, 2017, s. 256].

Аница в его восприятии становится не собеседницей, а немой слушательницей, в которой он видел самого себя — кем он является, что знает и умеет, на что способен и что смеет. Главное же — он ощущает себя тем самым «строгим праведником», которому близко чувство истины, подобное вере Закладчика в своё моральное превосходство над своими полковыми товарищами.

Насилие со стороны Щеточника проявляется в форме вербальной агрессии, которая находится в обратной пропорции к молчанию Закладчика. С позиции сравнительного анализа образов Щеточника и Аницы выявляется зеркальная параллель с ситуацией, сложившейся между Закладчиком и Кроткой. В паре Закладчик — Кроткая мужчина молчит, а женщина пытается преодолеть это молчание; в паре Щеточник — Аница, напротив, мужчина говорит, а женщина хранит молчание. Однако в обоих случаях поведение мужских персонажей носит насильственный и доминирующий характер, что в конечном итоге приводит к разрыву коммуникации и превращению общего пространства в своеобразную «тюрьму» для героинь обоих произведений.

Щеточник мог «говорить часами после ужина», но и этого ему становилось недостаточно — он всё чаще продолжал свою «восторженную речь» и у постели жены. Как и всегда, всё начиналось «в кресле» [Andrić, 2017, s. 262], но, завершив свой долгий туалет, он пересаживался на кровать, «подставив ногу под себя» [Andrić, 2017, s. 263], и продолжал говорить без умолку, напрочь забывая о присутствии жены и не ожидая от неё ничего, кроме «немного живо-го присутствия» [Andrić, 2017, s. 265].

Поначалу Аница лишь поддакивала и не хотела признаваться даже самой себе, насколько мучительным становилось это однообразное и утомительное общение. Однако монологи щеточника становились всё более длительными, всё более агрессивными. В какой-то момент Аница почувствовала, что превращается для него в «мёртвую вещь» или «бессловесное существо». Она чувствовала себя «существом, которым злоупотребляют и которое насилуют самым бездушным и подлым образом, лишь внешне кажущимся наивным и допустимым» [Andrić, 2017, s. 266].

Кульминацией мужского насилия как у Достоевского, так и у Андрича становится контроль над женской сексуальностью, который связан с его материальным превосходством.

Для Закладчика контроль сексуальности супруги представляется нормой маскулинного общества, основанной на аксиоматической установке: «женщина» «не может не подчиняться мужчине вполне», поскольку, как он утверждает, «в женщинах нет оригинальности» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15]. Даже после произошедшей трагедии он продолжает верить, что виноват не он, а она: «Что ж, я скажу правду, я не побоюсь встать перед правдой лицом к лицу: *она* виновата, *она* виновата!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 17].

Сексуальное насилие со стороны Закладчика по отношению к Кроткой начинается уже при первых их встречах — в форме двусмысленных намёков и предложений. Впервые это проявляется в эпизоде, когда он «усмехнулся» и «сказал что-то в роде остроты» по поводу «старой заячьей куцавейки» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7], которую Кроткая принесла в ломбард. С позиции современного дискурса подобные высказывания, нарушающие границы личного пространства лица противоположного пола, рассматриваются как первый шаг к насилию.

Что это была не обычная коммуникация, а начало игры доминирования и подчинения, подтверждает и внутренняя реплика героя: «Тут-то я и заметил ее в первый раз *особенно* и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7]. Возможно, читателю не вполне ясен характер намёка Закладчика, однако Кроткая правильно интерпретирует его высказывание как унижительное, как посягательство на её личность, и реагирует соответственно — «вспыхнула», а глаза её «загорелись» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7].

Закладчик, руководствуясь своими убеждениями, воспринял реакцию Кроткой как проявление **бунта** и уже при следующей встрече решил усилить агрессию, не скрывая попытки «покупки» её независимости. Он демонстративно вручил ей два рубля за ничего не стоящий «янтарный мундштук» — исключительно для того, чтобы подчеркнуть своё «торжество над ней». И на этот раз Кроткая «вспыхнула»; Закладчик понял, что «уколот» её, и остался доволен, убедившись, что деньги были потрачены не напрасно [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 7].

Апогеем этой своеобразной «предбрачной торговли» стало закладывание старинного семейного образа Богородицы с младенцем. Кроткая, с надеждой на возможность выкупа, просила пять рублей, однако Закладчик — вновь действуя с определённым умыслом —

предложил десять. И в этот момент в глазах Кроткой «сверкнуло», но, оказавшись в безвыходном положении, она лишь насмешливо изогнула губы, особенно после того как Закладчик отрекомендовался Мефистофелем.

Наконец, Закладчик и буквально выкупил Кроткую у ее теток, «подарив этим тварям по сто рублей и еще обещал», уподобившись этим поступком купцу, тоже торговавшемуся за нее. Кроткой про это ничего не было сказано, «чтобы не огорчить ее низостью обстановки» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 13], однако она и сама обо всем догадалась. Этим и можно объяснить то, что она «долго думала» прежде чем согласиться на брачное предложение Закладчика и может быть на самом деле «выбирала» между им «высоким, **стройным, воспитанным**» и «толстым лавочником» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 12].

Тем не менее, вопреки внутреннему сопротивлению, вначале Кроткая «желала любить, искала любить» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 16]. Однако все её эмоциональные порывы встречались Закладчиком с холодной отстранённостью: он отвечал на них строгостью и молчанием. Под прикрытием этой строгости он ввёл её в свой дом, а затем, опираясь на молчание, подчеркнутую материальную доминацию и эмоциональное давление, довёл до состояния, в котором она оказалась перед выбором совершить прелюбодеяние — поступок, на который так и не решилась.

Сознавая её положение, Закладчик продолжал манипулятивную «игру», доведя её до замысла убийства, но и этот шаг остался для неё невозможным. В итоге он инсценировал формальное расторжение брака, купив для неё «железную кровать» и отделив её «ширмами». Однако и этот жест являлся лишь частью разыгранного им представления, призванного окончательно подчинить её своей воле.

Наконец, само самоубийство Кроткой предстает как закономерный ответ на сексуальный контроль, который Закладчик систематически осуществлял по отношению к ней. Оно произошло, как отмечает Т.Г. Юрьева, в тот «момент, когда тот, кого она полагала средоточием зла и тирании, смиренно лежал у ее ног и почти униженно молил о любви и внимании» [Юрьева, 2005, с. 94]. Более того, по признанию самой героини, если бы он её «оставил так», она, возможно, не решилась бы на роковой шаг. Однако он явился к ней именно как «муж», которому «нужна любовь» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 32], — любовь, на которую она, истощённая мо-

ральными и физическими страданиями, уже не могла ответить. Лишённая возможности выбора, Кроткая увидела единственный выход в самоубийстве. При этом причиной его становится не «двойственность» и «противоречивость» её натуры, как полагает Т.Г. Юрьева [Юрьева, 2007, с. 84], а напротив — её предельная целомудренность и душевная чистота, уж «слишком чиста» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 34], чтобы пойти на обман.

Таким образом, кульминация сюжета подчеркивает: именно навязанный мужем режим сексуального обладания окончательно разрушает внутренний мир героини. Симптоматично, что она решилась на самоубийство всего через два часа после того, как Закладчик вернулся и «целовал ее, целовал ее лицо, в губы, **как муж**» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 32].

Андрей, герой рассказа Андрича, оказывается неспособным откликнуться на эмоциональные и сексуальные потребности своей супруги — пробуждённой и неудовлетворённой в своей глубокой, сильной женственности. Протяжённые монологи, сопровождающие их супружескую жизнь, превращают коммуникативное насилие в «тотальное и всеобъемлющее» [Ahmetagić, 2011, s. 108]. В их отношениях, где «мужчина присваивает свойства женщины» и тем самым «стирает её идентичность», эротическая связь между полами подменяется асимметричной, иерархически выстроенной динамикой власти. Подобное взаимодействие, как отмечает Ахметагич, «характерно для нарцисса, которому необходимо наполнить своё пустое, лишённое подлинной субстанции существование сущностью другого человека». Аница же представлена как «пассивный и безгласный *селф-объект* — иной, воспринимаемый нарциссом как часть самого себя и предназначенный исключительно для утверждения и возвеличивания его собственного я» [Ahmetagić, 2011, s. 110].

Аница безропотно дошла до предела полной утраты идентичности, когда ощутила невыносимую внутреннюю боль, нараставшую с каждым днём. Однако вместо того чтобы отреагировать естественным инстинктом самосохранения, она утратила способность к речи; боль парализовала её волю, сковала движения и подавила всякое решение ещё в его зародыше. Бегство представлялось ей не только нелогичным, но и страшным поступком, сродни самоубийству.

Если сравнивать двух героинь по степени кротости, на первый взгляд может показаться, что Аница более кротка, чем Кроткая, которая, как ни парадоксально, не **так уж и кротка** [Юрьева,

2005], [Войводич, 2023]. Аница осознала, позицию женщины в **иерархии патриархального** общества и хорошо усвоила негласное правило, разделяемое и героем Достоевского — Закладчиком: деньги принадлежат мужчине, а значит, именно он имеет право «смотреть на мир своими глазами». Она не «бунтовала», не «вспыхивала» и без видимого сопротивления терпела насилие мужа. На его монологи, которые становились все смелее и длиннее, она отвечает «бесконечным молчанием» [Andrić, 2017, s. 257] и хотя он пугал ее своей речью, оставалась «непоколебимо смиренной» [Andrić, 2017, s. 258].

Кроткая, напротив, открыто выражает протест: с помощью мимики, жестов, а в конечном итоге — через полную истерику — она реагирует на унижительное поведение Закладчика, на его недвусмысленные намёки на то, что она является «купленной», что он фактически приобрёл её. Но, несмотря на внешнее проявление сопротивления героиня рассказа внутри себя все время остается неизменно кроткой, такой какой назвал ее сам автор, Ф.М. Достоевский. Как отмечает Т.А. Касаткина, «мы ведь, по воле автора, даже лишены возможности называть Кроткую как-либо иначе» [Касаткина, 2015, с. 412]. Быть бунтующей и гордой — «кротость, однако же, мешала» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 18].

В этом контексте мы не можем согласиться с исследователями, трактующими личность Кроткой как «амбивалентную», «противоречивую» [Nikolić, 1975], либо рассматривающими её поведение как парадоксальное «соединение бунта и смирения» [Войводич, 2023, с. 127]. Напротив, на наш взгляд, Кроткая на протяжении всего рассказа сохраняет внутреннюю цельность, верность своему «прекрасному сердцу», внутренней «прелести» и «небу» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 16]. Несмотря на мимику лица, напускную гордость, мнимую попытку прелюбодеяния и даже покушения на убийство, она ничем не может победить свою кроткость. И Закладчик это знает, и знает автор рассказа, который об этом извещает читателя.

Таким образом, и её самоубийство с иконой в руках не противоречит её природе, а, напротив, это, как обозначил сам Достоевский, «кроткое, смиренное самоубийство», «без ропота или попрека» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 381].

Аница по своим характерологическим чертам схожа с героиней повести «Кроткая»: обеих отличает смирение, уступчивость и покорность. Однако между ними прослеживается важное культурологическое различие.

Кроткая, вопреки своему социальному положению, как отмечает Достоевский, успела выдержать экзамен, «урвалась выдержать, из-под подённой безжалостной работы» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]. Речь идёт о гимназическом экзамене для домашних учительниц. Его успешная сдача давала женщине право на легальную трудовую деятельность и обеспечивала пусть скромный, но самостоятельный заработок. Для обедневших дворянских девушек, к числу которых принадлежала и Кроткая, это был практически единственный социальный выход.

Тем не менее, несмотря на усилия, предпринятые ею, чтобы «облегчить общественное положение», достичь реальной независимости ей не удалось: Кроткая не успела найти работу и обрести самостоятельность. Однако в ней несомненно присутствовало то новое начало, о котором писал Достоевский, констатируя, что за последние двадцать лет в России произошло «возрождение» — прежде всего в стремлении женщин к высшему образованию». И что, «в жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример высшего мужества» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 28].

Закладчик, именно разглядел в Кроткой «характер <...> нового направления» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 9], который воспринимал как вызов традиционному порядку вещей и поэтому-то и взялся за её «перевоспитание», стремясь подавить проявления самостоятельности и стремление к новому.

В отличие от Кроткой, Аница — девушка, воспитанная в духе традиционного патриархата, и никакие новые веяния не затронули её. Она, как пишет Андрич, принадлежала к «тем девушкам, которые остаются без собственной личной жизни, странно неопытные и неосведомлённые обо всём, что происходит вне дома». Пока её младшие сёстры и братья — при её поддержке и вокруг неё — живут, растут, участвуют во всём: в добре и зле, в хорошем и плохом, чем дышит их поколение, — она остаётся в стороне, с самого начала как бы вне самого потока жизни. [Andrić, 2017, s. 250]

Однако, даже такая Аница — смиренная, молчаливая, не оказывающая сопротивления — не смогла вынести гнёта яростного нарцисса в лице своего мужа и почти инстинктивно решила на побег, который ранее представлялся ей хуже самой смерти.

В произведениях Ф.М. Достоевского и Иво Андрича прослеживается выразительный параллелизм в изображении судьбы женских

персонажей — Кроткой и Аницы. Обе героини приходят к радикальному и, на первый взгляд, иррациональному решению — одна к самоубийству, другая к бегству, — которое совершается как бы помимо их воли, в состоянии внутреннего надлома и метафизического прозрения. Это решение возникает в неотвратимом, граничном мгновении, которое не поддается логическому осмыслению, но обладает абсолютной экзистенциальной ясностью.

У Достоевского Закладчик, глядя на тело погибшей жены, с отчаянием пытается осмыслить произошедшее: «Нет, всё это — мгновение, одно лишь безотчётное мгновение. Внезапность и фантазия» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 34]. Это метафизическое «мгновение» становится финальной точкой накопленного насилия и внутреннего безмолвия.

Аналогичную ситуацию описывает Андрич в романе, где Аница после трёх лет брака достигает состояния полного душевного истощения: «Это было одно из тех мгновений, которые вспыхнут перед нами и покажут ясно и несомненно, что жизнь наша является невозможной, недостойной, невыносимой» [Andrić, 2017, s. 274]. Так же, как и Кроткая, Аница не столько принимает решение, сколько поддается неумолимой силе внутреннего прозрения, которое превращает её бегство в акт последнего, отчаянного сопротивления.

Таким образом, обе героини, несмотря на различие в исходе, переживают идентичное мгновение экзистенциальной истины, в котором проявляется глубинная трагедия женской судьбы в патриархальной структуре — судьбы, где голос женщины долгое время подавляется, пока не вырывается в предельном жесте — саморазрушении или побеге.

Повесть «Кроткая», на наш взгляд, представляет собой репрезентативный образец художественной интерпретации «женского вопроса», в которой идея женской эмансипации раскрывается через призму «христианского человеколюбия» и просвещения «себя во имя любви друг к другу, — любви которой имеет право требовать себе и женщина» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 126] По мнению писателя, распространённое заблуждение относительно «женского вопроса» заключается в том, что его трактуют дуалистически, раздельно рассматривая мужчину и женщину, тогда как, по его убеждению, они составляют единый, неделимый организм. Ф.М. Достоевский писал в одной из своих записных тетрадей: «Вся ошибка “женского вопроса” в том, что делят неделимое, берут мужчину и

женщину раздельно, тогда как это единый, целокупный организм. *“Мужа и жену создал их”* Да и с детьми и потомками, и с предками, и со всем человечеством единый целокупный организм. А законы пишутся все разделяя и деля на **составные** элементы. Церковь не делит» [Достоевский 1972–1990, т. 27, с. 46].

Таким образом, установив наличие общего феминистского аспекта в сравнительном анализе рассказа Ф.М. Достоевского «Кроткая» и рассказа Иво Андрича «Злоупотребление», в заключении необходимо подчеркнуть и принципиальное различие между ними. У Достоевского ответ на актуальный «женский вопрос» приобретает онтологическое измерение. В этом контексте представляется оправданной интерпретация И.А. Есаулова, согласно которой смерть Кроткой становится катализатором внутренней трансформации персонажа Закладчика — от inferнальной фигуры, цитирующей Мефистофеля в начале повествования, к мужу, в финале цитирующему Христа [Есаулов, 2020], [Войводиц, 2023]. В таком контексте и парадоксальность самоубийства Кроткой осмысливается как христианская жертва, преображающая жизнь другого человека в перспективе его внеисторического воскресения и обретения будущего бессмертия.

В отличие от Ф.М. Достоевского, Иво Андрич выступает как материалист, проявляющий большую веру в возможность эволюционного развития общества, нежели в христианское преображение личности. Его героиня, Аница, покидает мужа и, в отличие от героини рассказа Достоевского, находит работу — пусть не престижную, но достаточную для обеспечения элементарного существования. Эта возможность обусловлена историческим контекстом: в эпоху, о которой пишет Андрич — первую половину XX века — женщина, по крайней мере в европейском социуме, уже способна самостоятельно обеспечивать себя материально.

Несмотря на это, Аница остаётся социально стигматизированной как разведённая женщина, и хотя полного счастья она не достигает, в её судьбе присутствует определённая надежда на грядущее изменение общественного порядка. Таким образом, Андрич фиксирует момент социальной трансформации, открывающий потенциальную возможность для изменения женского положения в будущем.

Однако, несмотря на такие сдвиги, в прозе Андрича не происходит подлинного преодоления фундаментального конфликта между мужчиной и женщиной. Половой вопрос остаётся нерешённым:

супруги оказываются навсегда отчуждёнными друг от друга. Аница уходит, подвергаясь осуждению со стороны общества, а её муж, Андрей, хотя и пытался вернуть ее, все же остаётся в молчании — жест, символизирующий неспособность к диалогу и внутреннюю разобщённость между полами.

Список литературы

1. Бердяев, 1923 — *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: Ymka Press, 1923. 242 с.
2. Буданова, 1976 — *Буданова Н.Ф.* Известные статьи Ф.М. Достоевского по женском вопросу (Опыт атрибуции) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука. 1976. № 2. С. 236–244.
3. Варламова, 2016 — *Варламова Д.В.* К полемике о женском вопросе во второй трети XIX в.: журнал Ф.М. и М.М. Достоевских, «Время» // Вестник РГГУ. Серии: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 8. С. 45–49.
4. Войводиц, 2023 — *Войводиц Я.* Парадоксальность «Кроткой» // Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж: сб. статей. Firenze: Firenze University Press, 2023. С. 123–130.
5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Жирмунский, 1979 — *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Запад и Восток: Избранные Труды. Л.: Наука, 1979. 493 с.
7. Есаулов, 2020 — *Есаулов И.А.* О любви. Радикальные интерпретации, Магадан: Новое время, 2020. 216 с.
8. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
9. Лотман, 1992 — *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992.
10. Погребная, 2010 — *Погребная В.Л.* «Женский вопрос» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вісник Запорізького державного університету. 2010. №2. С. 1–7.
11. Фокин, 1998 — *Фокин П.* «Женский вопрос» в «Дневнике писателя» 1876–77 гг. Ф.М. Достоевского // Преображение. Русский феминистский журнал. 1998. № 6. С. 29–33. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_6_1998_a.htm (дата обращения: 28.02.2017).
12. Хасиева, 2012 — *Хасиева М.А.* Влияние произведений Достоевского на систему образов и метод повествования в творчестве Вирджинии Вулф (На примере романа «Преступление и наказание» и «Миссис Дэллоуэй») // Альманах современной науки и образования. 2012. № 5. С. 158–161.
13. Юрьева, 2005 — *Юрьева Т.Г.* Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Ф.М. Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2005. № 21. С. 91–102.
14. Юрьева, 2007 — *Юрьева Т.Г.* Толкование женских образов в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во РГГУ. 2007. 176 с.

15. Andrić, 2017 — *Andrić I.* Pripovetke u izboru samog pisca. Beograd: Srpsak književna zadruga, 2017. 330 s.
16. Ahmetagić, 2011 — Ahmetagić J. Priče o narcisu zlostavljaču: zlostavljanje i književnost. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 237 s.
17. Briggs, 2004 — *Briggs K.J.* How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2004. 325 p.
18. Dojčinović, 2018 — *Dojčinović B.* Andrićeve priče o nasilju nad ženama: “Mara milosnica” i “Zlostavljanje” // Ivo Andrić u našem vremenu : zbornik radova. 2018. S. 275–293.
19. Ivanova, 2015 — *Ivanova I.* Prokleta avlija i Zapisi iz Mrtvog doma // Andrićeva avlija. Grac: Institut za slavistiku; Banjaluka: Narodna univerzitetska biblioteka Republike Srpske: svet knjige, 2015 S. 279–287.
20. Lukić, 2005 — *Lukić J.* Dvije Andrićeve priče: Anikina vremena i Mara milosnica // Bosna Franciscana. 2005. no. 23. S. 151–174.
21. Nikolić, 1975 — *Nikolić M.* Igra protivrečja ili Krotka Dostojevskog. Novi Sad: Matica srpska. 209 s.
22. Перић, 2020 — *Перић Сања П.* Тамнички дани у Записима из Мртвог дома Ф.М. Достоевског и Проклетој авлији Иве Андрића // Свеске Задужбине Иве Андрића. Година XXXIX, свеска 37/2020. S. 157–177.
23. Urquhart, 2004 — *Urquhart D.* “Foreword” In Katherine Jane Briggs “How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis” URL: <https://edwinmellen.com/book/HOW-DOSTOEVSKY-PORTRAYS-WOMEN-IN-HIS-NOVELS-A-Feminist-Analysis/7917/> (дата обращения: 28.08.2025).

References

1. Berdiaev, N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's Worldview]*. Praha, Ymka Press Publ., 1923. 242 p. (In Russ.)
2. Budanova, N.F. “Neizvestnie stati F.M. Dostoevskogo po zhenskom voprosu (Opit atributsii)” [“Unknown Articles by Fyodor Dostoevsky on the Woman Question (An Attempt of Attribution)”]. *Dostoevskii. Materiali i issledovaniia [Dostoevsky. Materials and Research]*, vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 236–244. (In Russ.)
3. Varlamova, D.V. “K polemike o zhenskom voprose vo vtoroi treti XIX v.: zhurnal F.M. i M.M. Dostoevskikh ‘Vremia’” [“On the Polemics on the ‘Woman Question’ in the Second Third of the 19th Century: The Dostoevsky Brothers’ Journal *Vremya*”]. *Vestnik RGGU. Seria: Literaturovedenie. Iazikoznanie. Kulturologiia*, no. 8, 2016, pp. 45–49. (In Russ.)
4. Vojvodić, Jasmina. “Paradoksal’nost’ ‘Krotkoi’” [“The Paradox of ‘The Meek One’”]. *F.M. Dostoevskii: Iumor, paradoksal’nost’, demontazh 2023: sbornik statei [Fyodor Dostoevsky: Humor, Paradoxicality, Deconstruction 2023: Collected Articles]*. Firenze, University Press Publ., 2023, pp. 123–130. (In Russ.)
5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Zhirmunskii, V.M. *Izbrannye Trudy: Sravniatel’noe literaturovedenie: Zapad i Vostok [Selected Works: Comparative Literature: West and East]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 493 p. (In Russ.)

7. Esaulov, I.A. *O ljubvi. Radikal'naie interpretatsii* [On Love: Radical Interpretations]. Magadan, Novoe vremia Publ., 2020. 216 p. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiax F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of Fyodor Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 413 p. (In Russ.)
9. Lotman, Iu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [Selected Articles: in 3 vols]. Tallin, Aleksandra Publ., 1992. (In Russ.)
10. Pogrebnaia V.L. "Zhenskii vopros' v tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["The 'Woman Question' in the Works of Fyodor Dostoevsky"]. *Visnik Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu*, no. 2, 2010, pp. 1–7. (In Russ.)
11. Fokin, P. "Zhenskii vopros' v 'Dnevnikhe pisatel'ia' 1876–77 gg. F.M. Dostoevskogo" ["The 'Woman Question' in Dostoevsky's A Writer's Diary (1876–1877)"]. *Preobrazhenie. Russkii feministskii zhurnal*, no. 6, 1998, pp. 29–33. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_6_1998_a.htm (Accessed 28 Feb. 2017). (In Russ.)
12. Khasieva, M.A. "Vliianie proizvedenii Dostoevskogo na sistemu obrazov i metod povestvovaniia v tvorchestve Virdzhinii Vulf (Na primere romana 'Prestuplenie i nakazanie' i 'Missis Deloulei') ["The Influence of Dostoevsky's Works on the System of Images and the Narrative Method in the Writings of Virginia Woolf (Based on *Crime and Punishment* and *Mrs. Dalloway*)"]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 5, 2012, pp. 158–161. (In Russ.)
13. Iur'eva, T.G. "Bunt protiv tiranii i tiraniia bunta v rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Krotkaia'" ["Revolt against Tyranny and the Tyranny of Revolt in Dostoevsky's Short Story 'The Meek One'"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh*, no. 21, 2005, pp. 91–102. (In Russ.)
14. Iur'eva, T.G. *Tolkovanie zhenskikh obrazov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [Interpretation of Female Characters in the Works of Fyodor Dostoevsky]. Moscow, RGGU Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)
15. Andrić, Ivo. *Priponetke u izboru samog pisca*. Beograd, Srpsak književna zadruga, 2017. 330 p. (In Serbian)
16. Ahmetagić, Jasmina. *Priče o narcisu zlostavljaju: zlostavljanje i književnost*. Beograd, Službeni glasnik, 2011. 237 p. (In Serbian)
17. Briggs, Katherine Jane. *How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*. Foreword by The Rt Revd Prof. Joe Andrew, Keele University. Lewiston, Queenston, Lampeter, Edwin Mellen Press, 2004. 325 p. (In English)
18. Dojčinović, Biljana. "Andrićeve priče o nasilju nad ženama: 'Mara milosnica' i 'Zlostavljanje'." *Ivo Andrić u našem vremenu: zbornik radova*, 2018, pp. 275–293. (In Serbian)
19. Ivanova, I. "Prokleta avlija i Zapis iz Mrtvog doma." *Andrićeva avlija*. Grac, Institut za slavistiku; Banjaluka, Narodna univerzitetska biblioteka Republike Srpske, svet knjige, 2015, pp. 279–287. (In Serbian)
20. Lukić, Jasmina. "Dvije Andrićeve priče: Anikina vremena i Mara milosnica." *Bosna Franciscana*, no. 23, 2005, pp. 151–174. (In Serbian)
21. Nikolić, Milica. *Igra protivrečja ili Krotka Dostojevskog*. Novi Sad, Matica Srpska. 209 p. (In Serbian)
22. Perić, Sanja P. "Tamnički dani u Zapisima iz 'Mrtvog doma' F.M. Dostojevskog i 'Peokletaj avliji' Ive Andrića." *Sveske Zaduzbine Ive Andrića*, Godina XXXIX, sveska 37/2020, pp. 157–177. (In Serbian)

23. Urquhart, David. "Foreword." Briggs, Katherine Jane. *How Dostoevsky Portrays Women in His Novels: A Feminist Analysis*. Available at: <https://edwinmellen.com/book/HOW-DOSTOEVSKY-PORTRAYS-WOMEN-IN-HIS-NOVELS-A-Feminist-Analysis/7917/> (Accessed 28 Aug. 2025). (In English)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2025

Одобрена после рецензирования: 11.10.2025

Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 09 Sept. 2025

Approved after reviewing: 11 Oct. 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025